

Владимир Кожедеев

Контракт на возвращение

18+

Попаданцы в прошлое, будущее и цифровой мир

Владимир Кожедеев

Котракт на возвращение

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Контракт на возвращение / В. Кожедеев — «Автор»,
2026 — (Попаданцы в прошлое, будущее и цифровой мир)

«Контракт на возвращение» предлагает простую сделку: три года на чужой планете в обмен на спасение семьи. Но для Егора Родионова эти три года становятся вечностью, проведённой на краю безумия. Это история не столько о выживании в инопланетных шахтах, сколько о выживании себя. О том, как логик и стратег учится находить смысл в хаосе, как он становится ядром отряда изгоев, каждый из которых несёт своё бремя. Вместе они спускаются в «Глубины» — место, где стираются границы между реальностью и кошмаром, а главным противником становится не чужая фауна, а твоё собственное сознание. Это роман о долге, который оказывается дороже жизни. О цене, которую платят за любовь. И о главном вопросе: сможет ли человек, перекованный в горниле иного мира, вернуться в свою старую жизнь? И захочет ли он этого, обнаружив, что его настоящая семья, возможно, ждёт не на Земле, а рядом с ним — в крошечной тьме чужой планеты?

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	14
Глава 6.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Кожедеев

Котракт на возвращение

Глава 1.

Успех их семьи родился не в кабинете с видом на город, а в крошечной студенческой общаге, где пахло лапшой «Доширак» и мечтами. Оля, будущий биолог, и Максим, студент физтеха, познакомились на хакатоне. Это интенсивное командное мероприятие, на котором участники за ограниченное время разрабатывают прототипы новых продуктов, сервисов или решений. Название происходит от слов «hack». Она пришла за идеями для моделирования белковых структур, он – чтобы взломать задачу по оптимизации логистики. Их команда проиграла, но они нашли друг друга.

Их союз был союзом двух типов мышления: её внимательность к деталям и его стратегический полёт мысли. После университета, пока их одноклассники разъезжались по офисам, они заложили машину и взяли кредит, чтобы открыть маленькую лабораторию. Делали то, в чём были сильны: цифровые решения для био-исследований. Первый большой контракт пришёл через три года невероятного труда, бессонных ночей и веры, которая крепла в испытаниях.

К моменту рождения сына они были уже не стартаперами, а совладельцами растущей компании. Но главным своим проектом они считали именно Егора.

Егор Максимович Родионов появился на свет в один из самых солнечных дней мая. В родильной палате пахло не страхом, а спокойствием и ожиданием чуда. Максим, держа на руках этот тёплый, укутанный в пелёнку свёрток, почувствовал не просто отцовский восторг, а щемящую ответственность. «Мы построим для него мир, полный смысла», – тихо сказал он Оле. Она, усталая и счастливая, кивнула: «Мир, в котором он сможет сам выбирать, что строить».

Его называли Егором – имя твёрдое, земное, «пахарь». Они хотели, чтобы у него были корни и сила. Но с самого начала было ясно: это особый ребёнок. Не вундеркинд, поражающий таблицей умножения в два года. Нет. Его одарённость была иной – в невероятной, ненасытной любознательности.

Их квартира, а затем и дом в пригороде, никогда не походили на стерильный музей. Это была мастерская, библиотека и лаборатория одновременно.

Стены были увешаны не дорогими постерами, а картами – звёздного неба, древних цивилизаций, схемами метро мировых столиц. На одной стене в гостиной висел огромный белый лист – «Карта вопросов Егора». Туда маркерами записывали его «Почему?»: «Почему у кошки усы?», «Почему ржавеет железо?», «Почему люди ссорятся?».

Игрушками были конструкторы невероятной сложности, микроскоп, наборы для юного химика (под строгим присмотром Оли), инструменты в гараже у Максима. Папа с пяти лет брал его в «технологические субботы» – они могли разбирать старый двигатель, собирать робота-паука из Arduino (платформа для разработки электронных устройств) или просто пилить доски в столярной мастерской, обсуждая устройство Вселенной.

Книги были везде. Но не энциклопедии с готовыми ответами, а художественная литература, которая учила чувствовать: «Приключения Тома Сойера», «Волшебник Изумрудного города», позже – Брэдли и Стругацких. Оля читала ему на ночь, а потом они обсуждали мотивы поступков героев.

Общение – это был священный ритуал. За ужином не спрашивали «Как дела?», а спрашивали «Что нового ты сегодня узнал?» или «Какой вопрос тебя сегодня озадачил?». Неудачи – сломанную модель, пролитый реактив, проигранную олимпиаду – разбирали не как провалы,

а как наиболее интересные точки для анализа. «Что пошло не так? Что эта ошибка нам говорит? Как сделать иначе?»

Путешествия – никогда в «все включено». Это были походы с палатками, где учились читать следы и разжигать костёр, поездки в заброшенные деревни, чтобы увидеть историю на стенах ветхих домов, или в другие страны – не ради фотовитрин, а ради запахов рынков, разговоров с местными и ощущения иного ритма жизни.

Его окружение – это родители, которые были не начальниками, а проводниками и самыми сложными собеседниками. Они не давали готовых маршрутов, но вручали лучшие инструменты для прокладки собственного пути и бесстрашно шли рядом, куда бы он ни свернул.

Подростковый возраст Егора не стал бунтом против семьи. Семья была его тылом. Его испытанием стал внешний мир и поиск своего места в нём.

Школа давалась ему легко, но часто наскучивала. Его спасла школа с физико-математическим уклоном, куда он сам захотел поступить. Там он нашел своё племя: таких же увлечённых, ищущих, иногда неловких в обыденном, но блистающих в своём. Его лучшими друзьями стали Костя – гений в криптографии, и Лиза – будущий социолог, которая могла часами анализировать поведение их класса.

Первая неудача-катастрофа случилась в 14. Он собрал команду на школьный хакатон, уверенный в победе. Они проиграли из-за его ошибки в коде. Егор закрылся в комнате на два дня. Максим не лез с утешениями. Он принёс чай, сел рядом и сказал: «В нашей первой компании мы провалили проект на полмиллиона. Твоя мама тогда сказала, что это не тупик, а просто резкий поворот. Интересно, куда этот поворот выведет тебя?»

Поворот вывел его не к победе на следующем конкурсе, а к пониманию. Он осознал, что его сила не в том, чтобы быть лучшим во всём, а в том, чтобы собирать команду, видеть сильные стороны других и управлять сложностью. Он стал тем, кого на IT-сленге называют «тимлид» – лидером, архитектором решений.

Первая любовь в 15 к однокласснице Ане, которая рисовала комиксы, прошла болезненно, но стала откровением. Он впервые столкнулся с эмоциями, которые нельзя было логически просчитать. И здесь его спас диалог с матерью. Оля не давала советов. Она спросила: «А что ты чувствуешь?» И слушала. Это научило Егора главному – признавать и принимать свои чувства, а не отрицать их.

К 16 годам он был странным для обывателя гибридом: мог за вечер написать сложную программу, ночь спорить с другом о смысле «Преступления и наказания», отремонтировать мопед соседа и, закрыв дверь комнаты, смотреть аниме, тайком вытирая слёзы. Его мир был огромен, многомерен и прочно стоял на фундаменте, который построили родители: любознательность как двигатель, ответственность как стержень, а семья – как безусловное убежище, куда можно вернуться с любой раной и любой победой.

16 лет. На пороге.

На стене в его комнате теперь висела не «Карта вопросов», а «Карта возможностей». Среди наклеек IT-компаний, эмблем университетов и фото далёких городов лежал билет на поезд в другой город – на всероссийский финал конкурса научных проектов. Он ехал туда не один, а с командой. Он смотрел в окно на пробегающие поля и думал не о победе. Он думал о том, как через неделю они с отцом начнут строить настоящий парусный дингви – шлюпка длиной около 3 метров и вместительностью 1–2 человека, для похода по северным озёрам. И о том, что мама просила подобрать для неё новые исследования по нейробиологии.

Егор Родионов стоял на пороге. За его спиной был не идеальный, но прочный, наполненный смыслом и любовью мир, который дала ему семья. А впереди – бесконечный мир, который он был готов исследовать, понимать и, в конце концов, изменить. У него были инструменты, карта и компас. И самое главное – он точно знал координаты дома, куда можно будет вернуться. История его успеха только начиналась.

Глава 2.

Продолжим историю Егора Родионова, но с важной оговоркой: создание семьи к 20 годам – это скорее обретение её прообраза, фундамента, чем финальная картина. В этом возрасте герой находится на пороге взрослой жизни, и его «семья» – это уже не только родительский дом, а выбор спутницы и формирование новых связей.

Встреча со Вселенной по имени Арина.

С 16 до 18 лет Егор жил на высокой скорости: победа на всероссийском конкурсе, подготовка к ЕГЭ, выбор между столичными вузами. Он поступил на факультет биоинформатики – идеальный синтез интересов матери и отца. Переезд в Москву стал для него не разрывом с семьей, а расширением её границ. Родительский дом теперь был «центральным штабом», а он – исследователем на передовой.

Именно в университете, в самом конце первого курса, когда азарт новизны уже сменился вдумчивой рутиной, он встретил Арину.

Это произошло не романтично, а почти прозаично – на межфакультетском проекте по созданию приложения для волонтерских инициатив. Арина была с факультета дизайна. Егор, как тимлид – лидером, архитектором решений, представлял техническую часть. Арина отвечала за интерфейс и пользовательский опыт.

Первое впечатление было столкновением двух вселенных:

Егор мыслил категориями алгоритмов, эффективности, логических структур. Его презентация была безупречной по содержанию и сухой, как техническое задание.

Арина взяла слово после него. Она не говорила о «функционале». Она рассказала историю – историю одинокого пенсионера, который боится смартфона, но благодаря простому и тёплому дизайну сможет попросить о помощи. Она говорила о человеческих эмоциях, о барьерах, о доверии. Она показывала не схемы, а эскизы, полные жизни и доброты.

Егор замер. Он увидел в её подходе не «сопутствующий дизайн», а глубинный смысл, который он, со всей своей логикой, упустил. Его мир, построенный на вопросах «как?» и «почему?», столкнулся с миром, где главным был вопрос «для кого и зачем?».

Их отношения развивались не как яркий, стремительный роман, а как медленное, осознанное строительство.

Не союз противоположностей, а дополнение. Они не спорили, чья правда важнее – логика или эмпатия. Вместо этого они начали учить друг друга своему языку. Егор объяснял Арине основы data science, чтобы её дизайн был не только красивым, но и эффективным. Арина брала Егора на вернисажи и в кино на арт-хаус, учила его «читать» эмоции в искусстве и в людях. Он начал замечать, как свет падает на её лицо, когда она задумывается, а не только на графики успеваемости их приложения.

Испытание дистанцией. На втором курсе Арине предложили полугодовую стажировку в Европе. Многие ожидали, что их молодые отношения не выдержат. Но для них, выросших в семьях, где ценили личное развитие, это стало проверкой иного рода. Их разговоры по видеосвязи превратились в «совместные ужины на расстоянии» и глубокие дискуссии. Они не цеплялись друг за друга, а делились мирами, которые открывали по отдельности. Егор осознал: он скучает не просто по девушке, а по своему собеседнику, по человеку, который делает его картину мира полной.

«Проект» как отражение ценностей. Их главным совместным проектом стало не приложение (оно всё-таки победило на конкурсе), а помощь детскому хоспису. Арина привлекла Егора как волонтера-технаря. Он пришёл чинить компьютеры, а остался на годы. Там, в этом месте предельной человеческой хрупкости и силы, их ценности прошли огонь. Егор увидел,

как его навыки (настроить систему учёта медикаментов, создать простой коммуникатор для детей) обретают настоящий, жизненный смысл. А Арина увидела в нём не холодного логика, а человека с тихим, но абсолютно надёжным состраданием, которое выражается не в словах, а в действиях.

Знакомство с мирами друг друга. На зимних каникулах, когда Арина вернулась, Егор привёз её в родительский дом. Это был не экзамен, а погружение. Арина за чаем с Олей говорила об искусстве терапии, а с Максимом – о дизайне промышленных интерфейсов. Она видела не «успешную семью», а живой организм, построенный на диалоге и уважении. А для Егора стало откровением увидеть свой дом, свою «мастерскую», глазами Арины. Он понял, как сильно хочет, чтобы она стала частью этого мира, и как её присутствие этот мир обогащает.

К своему двадцатилетию Егор Родионов стоит на другом пороге.

С родителями у него теперь отношения партнёров и взрослых единомышленников. Он советуется с отцом о бизнес-модели для своего стартапа (того самого, что вырос из волонтёрского проекта), а с матерью – о биоэтике. Его семья стала расширенной.

С Ариной – у них нет помолвки или громких заявлений. У них есть молчаливая, абсолютная уверенность. Они говорят о будущем не как о сказке («когда-нибудь»), а как о проекте («давай посмотрим, как мы можем...»). Они уже прошли проверку дистанцией, совместным служением и взаимным уважением к независимости друг друга.

Создание семьи к 20 годам для Егора – это не свадьба и не общий быт. Это осознанный выбор человека, с которым он хочет строить эту семью. Это понимание, что его личный «проект будущего» теперь неотделим от другого человека. Это – вырытый котлован под фундамент, в который они вдвоём заложили краеугольный камень. Камень, на котором выбиты не клятвы, а принципы, проверенные временем: уважение к личности другого, общность ценностей, взаимное обогащение и готовность быть командой в самом важном проекте – в жизни.

Их дом ещё не построен. Но чертежи готовы, архитекторы договорились, и самый прочный материал – их общая история и понимание – уже в руках. Впереди – строительство.

Глава 3.

Их дочь должна была родиться в мае, как и Егор. Казалось, это станет идеальной точкой отсчёта нового цикла жизни. Беременность Арины протекала прекрасно: она, с её чуткостью к телу, словно вела диалог с растущей внутри жизнью, а Егор, с его аналитическим умом, превратил подготовку в слаженный проект – от выбора роддома до изучения всех стадий родов.

Но жизнь, с её непредсказуемостью, напомнила им, что самые совершенные планы – лишь гипотезы.

Роды начались стремительно, почти по учебнику. Егор, держа за руку Арину, повторял дыхательные упражнения, шутил, ловил её взгляд – полный страха, но и безмерной силы. И вот первый крик. Тихий, хрипловатый. Алиса. Они успели перекинуться одним сияющим взглядом облегчения и счастья.

А потом мир замедлился, цвета потускнели, звуки стали приглушёнными. Лицо акушерки стало сосредоточенным и непроницаемым. «Кровотечение. Атония матки», – прозвучало как приговор. Мгновенная суета, тихие, но чёткие команды. Егора мягко, но настойчиво оттеснили. Он видел, как Арина, такая сильная секунду назад, бледнеет, а в её глазах, обращённых к нему, читается не боль, а вопрос и глубокая усталость.

«Всё будет хорошо. Я с тобой», – успел сказать он, прежде чем дверь в операционную закрылась. Его оставили наедине с оглушающей тишиной коридора и с крошечной, завернутой в пелёнку дочкой на руках. Он прижал её к груди, чувствуя её хрупкое, живое тепло, и впервые в жизни почувствовал совершенную, парализующую беспомощность. Его логика, его умение решать задачи, его проекты – всё рассыпалось в прах перед этой одной, самой важной задачей: чтобы жила Арина.

Час ожидания показался вечностью. Врач вышел усталый, но с намёком на облегчение. «Критический период миновал. Но ситуация тяжелая. Из-за массивной кровопотери и риска сепсиса нужны специфические препараты. Очень дорогие. Их нет в отделении, нужно покупать. И, возможно, не один курс».

Слова «очень дорогие» прозвучали не как цена, а как спасательный круг. Проблему можно было купить. Это был язык, который его разум, ошеломлённый и испуганный, наконец, смог понять.

«Делайте всё, что нужно. Я сейчас решу вопрос», – сказал Егор, и его голос прозвучал удивительно спокойно, словно в нём включился не паника, а холодный, отцовский и мужской режим действия.

Всё произошло стремительно:

Первым звонком был Максим. Отец выслушал десять секунд, не перебивая. «Сумма? ... Понял. Деньги будут на твоём счету через 20 минут. Всё, что нужно. Мы с мамой выезжаем, будем через три часа. Держись, сын».

Оля в это время уже звонила своим контактам в медицинском сообществе, чтобы найти не только препараты, но и лучших специалистов для консилиума.

Егор, держа на одной руке спящую Алису, другой рукой ворошил финансовые отчёты своего стартапа, личные накопления, оформлял срочный кредит онлайн. Цифры складывались и вычитались с леденящей душу ясностью. Денег хватит, но это будет тотальная мобилизация всех ресурсов, обнуление многих планов, долги. Его не волновало. Единственная KPI (ключевой показатель эффективности) в его жизни сейчас – это стабильные показатели на мониторах у кровати Арины.

Следующие две недели стали для него параллельной вселенной. Родительский дом переехал в больницу:

Оля взяла на себя заботу о новорождённой Алисе, став для неё опытной и нежной «первой няней», освобождая Егора.

Максим стал логистом и переговорщиком: находил препараты, решал бюрократические вопросы, следил, чтобы сын хоть что-то ел.

Егор дежурил у палаты интенсивной терапии. Через стекло он видел Арину, опутанную трубками и проводами. Он разговаривал с ней, когда её выводили из седации, читал вслух её любимые книги о дизайне, ставил музыку, которую они любили. Он был её якорем в реальности, голосом, который звал её обратно.

В одну из таких минут, когда Арина была в сознании и могла слабо шевелить рукой, он приложил к стеклу её ладони распечатанную черно-белую фотографию – крошечная Алиса, спящая в кресле у Оли. По щеке Арины скатилась слеза. Это был их первый, молчаливый, совместный взгляд в будущее.

Исход и новый ландшафт

Арина выкарабкалась. Это слово – «выкарабкалась» – стало потом в их семье синонимом невероятной стойкости. Выход из больницы был не триумфальным, а тихим, осторожным, полным благодарности за каждый новый день.

Их финансы были истощены. Стартап Егора висел на волоске. Планы на переезд и новую квартиру рухнули. Они вернулись в тот самый родительский дом, в «мастерскую», которая теперь на время стала их крепостью и санаторием.

Но в этой новой, более суровой реальности произошло странное и прекрасное.

Они не просто выжили. Они переплавились.

Арина, глядя на дочь, поняла ценность своей жизни с новой, животрепещущей остротой. Её дизайн, всегда человеко-центричный, приобрёл ещё и глубину выжившего. Она начала делать эскизы – нежные, полные скрытой силы.

Егор увидел в своём технологическом стартапе не просто бизнес, а инструмент. Инструмент, который может спасти. Он резко сменил фокус: теперь его команда разрабатывала алгоритмы для ранней диагностики послеродовых осложнений на основе данных мониторинга.

Максим и Оля, наблюдая, как их сын и невестка проходят это испытание, обрели новую гордость. Они не просто помогли – они увидели, как выстроенный ими годами фундамент выдержал самый страшный шторм. Они были больше, чем родители. Они были оплотом.

Их дочь, Алиса, что значит «благородная», «защитница», стала живым символом этой битвы и этой победы. Она росла в доме, где в воздухе витала не тягость долгов и переживаний, а тихая, стальная благодарность. Где каждый знал цену жизни, цену семьи и цену того самого «убежища», куда можно вернуться с любой раной.

Рождение Алисы не было счастливым финалом. Оно было началом новой, более зрелой и осознанной главы в истории семьи Родионов. Главы, в которой успех измерялся не стартапами и титулами, а тем, как они прошли через тьму и вынесли из неё не травму, а новую, несокрушимую любовь.

Глава 4.

Давление было титановым прессом. Цифры в таблицах мерцали на экране, складываясь в безрадостные итоги. Кредиты, долги за лекарства, замороженный старт, необходимость специального ухода для Арины и Алисы. Рациональные пути были исчерпаны. Внутри Егора, всегда такого собранного, копилась чёрная, отчаянная ярость на свою беспомощность. Он не мог позволить, чтобы хрупкое счастье, вырванное у смерти, разбилось о быт и долги.

И он сломился. Не перед людьми – перед тишиной дома, где все спали, а он один бодрствовал, чувствуя груз ответственности, который, казалось, вот-вот раздавит хребет. Он вышел в ночь. Брёл без цели, пока ноги не привели его в знакомый, душный полуподвал ночного кабака – место, где когда-то в студенчестве отмечали победы. Теперь он был здесь, чтобы забыться.

И встретил Сергея. Однотруппника, талантливого, но вечно ищущего лёгких путей. Тот, уже изрядно выпивший, обрадовался старому знакомому. «Родионов! Давно не видели большого человека!» – обнял его пахнущий дешёвым виски и потом Сергей.

Под натиском ложного братства и собственного горя Егор разоткровенничался. Выплеснул всё: восторг отцовства, любовь к жене, леденящий душу страх больницы и чудовищную, унижительную яму долгов, в которую они провалились. Говорил срывающимся голосом, впервые позволяя слабости взять верх над разумом.

Сергей слушал, кивал, и в его глазах загорелся не сочувственный, а алчный огонёк. «Брось, старик, – прошептал он, наклонившись так близко, что Егор почувствовал кислый запах. – Зачем мучиться? Есть контора. Решают такие проблемы... как щёлк. Три года – и ты король. Ну, почти».

«Три года? У меня нет трёх лет! У меня есть сейчас!» – почти закричал Егор, хватаясь за эту соломинку.

«Для них три года – как один день. Ну, типа... релятивизм, порталы, короче, наука. Вернёшься – а тут всего сутки пройдёт. И на счёте – столько, что все долги покроешь, и на десять жизней хватит. Добывать нужно кое-что... там. Ресурсы. Риск, да. Но ты же боец».

Разум Егора, затуманенный алкоголем и отчаянием, схватился за ключевые фразы: «один день», «решает проблемы», «солидное вознаграждение». Это звучало как алгоритм: вводная (жертвовать временем), действие (работа), результат (спасение семьи). Логично. Страшно, но логично.

«Веди», – хрипло сказал Егор, чувствуя, как пол уходит из-под ног в прямом и переносном смысле.

Сергей привёл его на глухую окраину, где городское освещение кончалось, упираясь в старый, заброшенный некрополь. В полуразрушенном здании бывшего морга, пахнущем сыростью, плесенью и чем-то металлическим, их ждали.

Двое в чёрном, с непроницаемыми лицами. Они не выглядели как бандиты. Они выглядели технократично-холодно, как инженеры на сборочной линии. Сергей, вдруг ставший нервным и подобострастным, быстро что-то пробормотал, получил толстый конверт, швырнул на Егора быстрый, полный вины и облегчения взгляд – и сгинул в ночи, не попрощавшись.

Егора обыскали. Забрали телефон, часы, всё, что связывало его с миром. Затем подвели к столу, заваленному непонятными приборами, и положили перед ним Контракт. Не бумажный, а отлитый на тонкой, тёплой металлической пластине, испещрённой мерцающими символами, которые он не мог прочесть, но чей смысл как-то проникал прямо в сознание.

Суть была ясна:

Срок: 3 стандартных местных года (субъективно для Рекрута).

Временной парадокс: Для точки исхода (Земля) пройдёт ориентировочно 20-36 часов из-за эффектов межпространственного перехода.

Задача: Добыча и поставка «эфирно-кристаллического концентрата» (квоты указаны) с территории, обозначенной как «Рубанный Лес, сектор Дельта-7».

Вознаграждение: По выполнению квоты и возврату – единовременный платёж, эквивалентный 15 миллионам долларов США на счёт, указанный Рекрутом.

Гарантии: Обеспечение базовым снаряжением, медицинской страховкой (ограниченной), транспортом до сектора добычи.

Пункт 7.1 (самый важный, горящий красным в сознании): «Досрочное прекращение Контракта возможно только в случае смерти Рекрута. Связь с точкой исхода на время действия Контракта исключена».

Егор замер. Весь его научный ум восстал против этой мистификации. Но перед глазами стояли лица: Арина, такая бледная на больничной подушке; Алиса, такая крошечная; цифры долгов. Он видел не фантастику, а формулу спасения. Три года его жизни в обмен на безопасность и будущее тех, кого он любит больше всего. Рациональная жертва.

Он подписался, приложив палец к пластине. Та вспыхнула холодным синим светом, и он почувствовал жгучую боль, будто на душу поставили клеймо.

Его проводили в соседнее помещение – пустую каменную комнату с выщербленным на полу странным узором. «Стой в центре. Не двигайся. Вспышка будет яркой», – сказал один из «инженеров».

Егор встал в центр круга. Он думал не о неизвестном мире, не о драконах или монстрах. Он думал о том, как завтра утром, когда он уже будет там, Арина проснётся и найдёт на столе записку. Он написал её ещё дома, прежде чем выйти в ночь, в приступе малодушия: «Любимая. Мне срочно нужно уехать по делам стартапа. Всего на день-два. Связи не будет. Целую вас обеих крепко. Твой Егор». Он соврал. Но это была лучшая ложь из возможных – короткая, дающая надежду и не вызывающая паники.

В полу под ногами загудело. Воздух затрещал, будто рвалась сама ткань реальности. Ярчайший свет, белый и безжалостный, выжиг всё вокруг.

Последней осознанной мыслью Егора перед тем, как мир распался на атомы, было: «Всего один день. Продержаться три года... Ради вас...»

А потом его не стало.

Через 28 часов в дверь квартиры Родионовых позвонили. Курьер в строгой форме вручил Оле (она была с Алисой) толстый конверт. «От вашего сына. Он просил передать лично в руки».

В конверте лежала пачка наличных – ровно столько, чтобы покрыть текущие платежи за лекарства на месяц, – и ещё одна записка, написанная уже чужой, торопливой рукой, но с его подписью: «Мама, папа, Арина. Всё в порядке. Дела затянулись, но я справлюсь. Обещаю. Это временно. Люблю вас безмерно. Не волнуйтесь. Егор».

Они волновались. Но поверили в его «дело». Арина, крепчая день ото дня, ждала. Она гладила его подушку и верила, что завтра, или послезавтра, он вернётся домой.

Она и представить не могла, что её муж, в это самое время, уже делает первый шаг по красной, пылящей земле двух лун, втягивая в лёгкие воздух, пахнувший озоном и чужим цветением, а над гребнем ближайшего хребта проносится тень чего-то огромного и явно хищного. Его три года только начались.

Глава 5.

Мир «Рубанного Леса» не просто фон, а активный антагонист и испытательный полигон. Мир: Фалос-7 местное население называло: «Жнивье» или «Проклятая Нива».

Планета-колония, открытая и частично терраформированная столетие назад межзвёздным картелем «Астра-Конкорд». Цель: добыча уникального ресурса. Однако что-то пошло не так.

Две луны: Первая светила малым, быстрым «Серпом» (синеватый свет). Вторая луна огромный, медленный «Жнец» (кроваво-красный свет). Их совместное сильное притяжение вызывает «приливные бури» – не атмосферные, а эфирные, дестабилизирующие магию, технологии и психику на несколько дней.

«Рубанный Лес»: не деревья в привычном смысле. Это гигантские, полые внутри силикатно-кристаллические образования, острые как бритва, растущие из земли и постоянно издающие низкочастотный гул. Они «срезают» (рубят) силовые поля, портят связь, рассеивают энергию. Отсюда и название.

Крайне агрессивная. Флора и фауна эволюционировали в условиях высокого фонового эфирного излучения. Растения ловят добычу, животные часто имеют природную броню или камуфляж. Воздух пригоден для дыхания, но имеет сладковато-металлический привкус. Вода в большинстве источников требует очистки от микроскопических споров.

Вся экономика Фалос-7 завязана на один ресурс: Эфирно-кристаллический концентрат (ЭКК), или просто «Слеза».

Конденсированная энергия, формирующаяся в геологических разломах под «Рубанным Лесом». Используется как сверхпроводник, катализатор для термоядерных реакций и ключевой компонент в продвинутой наномедицине и нейроинтерфейсах в развитых мирах.

Добыча: Примитивна и смертельно опасна. Кристаллы-«слезинки» растут в глубине пещер или на корнях «деревьев» Леса. Их нужно вручную или с помощью нестабильной техники вырубать, очищать от паразитирующей биоплёнки и упаковывать в свинцовые контейнеры. Излучение ЭКК смертельно для человека при долгом контакте.

Валюты: Официально – «Астры» (цифровая валюта картеля). На деле, среди добытчиков ходят «чешуйки» (очищенные фрагменты низкосортного ЭКК), пайки, лекарства, оружие и «долговые расписки» – виртуальные обязательства, которые рекруты копят, надеясь выплатить контракт и уехать.

Структура общества: Пирамида из отбросов.

Картель «Астра-Конкорд» (Небожители): Управляют орбитальной станцией «Деспера». На планету не спускаются. Им нужен только ресурс. Они предоставляют оборудование, забирают ЭКК, выплачивают вознаграждение по контрактам (с бесчисленными вычетами).

Администрация Лагеря «Дельта-7» (Надсмотрщики): Наёмные менеджеры и инженеры картеля. Живут в относительно безопасном куполе с системами жизнеобеспечения. Циничные, коррумпированные. Их задача – выполнить план любой ценой.

Контрактники (Рекруты/«Топливо»): Основная масса. Все, как Егор, с Земли или других миров-доноров, завербованные обманом или отчаянием. Работают в шахтах и на вырубке. Делится на:

«Зелёные»: Новоприбывшие. Срок – меньше года. Смертность до 70%.

«Сезонники»: Прожившие 1-2 года. Опытные, циничные, свои правила.

«Старики»: Прожившие 5 и более лет. Либо гении выживания, либо сломленные, либо моральные уроды. Легенды лагеря.

Вольные/«Призраки Леса»: Те, чей контракт кончился, но у них не хватило денег на билет домой, или они слишком срослись с планетой. Живут в руинах за пределами лагеря, промышляют браконьерством, наёмничеством, скупкой «чешуи». Опасны и непредсказуемы.

Аборигены/«Тихони»: Остатки коренной расы, почти истреблённой картелем. Живут в глубине Леса. Человекообразные, но с признаками адаптации к среде: серая кожа, большие глаза, молчаливы. Считаются дикарями, но ходят слухи, что они понимают «душу» Леса и могут управлять им. Их боятся и ненавидят.

Война с Планетой: Постоянная. Лес, фауна, радиация, «приливные бури».

Война между лагерями: «Дельта-7» конкурирует с «Бетой-4» и «Гамма-12» за богатые жилы. Столкновения разведгрупп, саботаж – обычное дело.

Война внутри лагеря: Банды «Сезонников» делят зоны влияния, ресурсы, «защиту» для «Зелёных». Администрация поощряет разобщённость, чтобы легче управлять.

Тихое сопротивление: Слухи о «Пробуждённых» – контрактниках, которые после долгого контакта с ЭКК или в «приливную бурю» проявляют пси-способности (телепатию, пирокинез, предвидение). Администрация их отлавливает для экспериментов. «Призраки» иногда им помогают.

«Жила Святого Элиота»: Легенда о неиссякаемой подземной пещере, полной гигантских «Слёз». Тот, кто найдёт её, сможет купить не только свободу, но и весь лагерь. Говорят, её стережёт что-то древнее.

«Обратный портал»: Якобы можно не отрабатывать контракт, а найти древний артефакт «Тихоней» – портал, ведущий в любой мир, но цена – память или душа.

«Мягкий конец»: Если «Старик» становится слишком старым или опасным, Администрация не убивает его, а отправляет в «Райский купол» – якобы место для почетного отдыха. Никто оттуда не возвращается. Шёпотом говорят, что это лагерь для доноров органов или психотронных экспериментов.

«Предсказание Тихоней»: Старая аборигенка, иногда появляющаяся у заборов, шепчет на ломаном языке: «Когда две жницы совьются в один Серп, Лес проснётся и срежет всех Гостей. Земля будет плакать кровавыми слезами, и только Принявший Шум обретёт тишину». Большинство считает это бредом, но некоторые «Старики» начинают нервничать в периоды сближения лун.

Предсказание/Пророчество (которое может касаться Егора):

Среди «Пробуждённых» ходит своё видение, переданное телепатически. Его называют «Грядущий Извне»:

«Придёт не по своей воле, с печатью долга на душе. Он не будет искать богатства, ибо его сокровище далеко. В его руках логика станет мечом, а любовь – щитом. Он услышит Шум Леса, там, где другие сходят с ума. Он встанет между Молотом Надсмотрщиков и Наковальной Тихоней. Его выбор определит, будет ли Лес могилой для всех... или все найдут путь домой. Будьте осторожны – он может спасти нас. И он может нас уничтожить».

Для Егора этот мир – адская машина. Его задача – не стать героем, а выжить и сохранить в этом аду своё человеческое я, свою цель (вернуться к семье) и свою логику, которая теперь должна приспособиться к абсолютно иррациональным и жестоким правилам. Он – учёный в мире безумия, и его главная битва – не с чудовищами, а с искушением самому стать одним из них.

Глава 6.

Академия «Дельта-Прайм»: Фабрика выживания.

Новоприбывших, включая Егора, после дезинфекции и унижительного медосмотра, погрузили в бронированные тягачи и увезли вглубь территории, подальше от портала. Их конечным пунктом была не шахта, а Академия «Дельта-Прайм» – уродливый комплекс из сборных модулей, обнесенный колючей проволокой под током и вышками с автоматическими турелями.

«Добро пожаловать на ваш единственный курорт, – крикнул, выходя на плац, инструктор, мускулистый мужчина со шрамом через лицо и пустыми глазами. – Меня зовут Гросс. Вы здесь не люди. Вы – инвестиция Картеля. Моя задача – научить эту инвестицию не сгореть в первую же неделю и начать приносить прибыль. Ваша задача – слушать, делать и не думать. Мышление здесь убивает быстрее радиации».

Обучение было интенсивным, жестоким и предельно практичным. Никакой теории, только выживание.

Безопасность и ЭКК: Изучали дозиметры, симптомы лучевой болезни (на слайдах с подробными фото), правила переноски «Слэз». «Если ваш напарник упал и контейнер разбился – вы не герой, вы труп. Вызывайте утилизаторов по рации и отходите на минимальное расстояние. Чувства здесь – роскошь».

«Рубанный Лес: тактика выживания»: Растения-ловушки (демонстрировали на привезённом образце, который съел живую крысу), повадки основных хищников (летучие «бритвы», подземные «черви-свёрла»), чтение карт и навигация без GPS, которая постоянно глючит.

Оборудование и оружие: Выдача стандартного снаряжения – грубый, но живучий скафандр-«костюм крысы», шахтёрская кирка с модификациями, слабый бластер для отпугивания фауны (не для убийства), рация. Учили чинить это в полевых условиях.

Психологическая подготовка (она же – ломка): Гросс и его помощники методично уничтожали любые иллюзии. Показывали видеозаписи гибели «Зелёных». Запускали в учебную зону с симуляцией «приливной бури» (мерцающий свет, невыносимый гул), чтобы вызвать панику и посмотреть, кто сломается. «Если сойдёте с ума здесь – вас отправят в лазарет. Если в Лесу – вас бросят, а вашу квоту разделят между выжившими».

Именно в этом аду Егор, подавив панику и включив холодный аналитический режим, начал находить «своих». Он оценивал людей не как друзей, а как потенциальных элементов будущей системы выживания.

Леха «Технар»: Молодой парень с Земли, инженер-электронщик, попавший сюда из-за долгов за эксперименты. Он единственный, кто на первом же занятии по оборудованию нашёл способ перенастроить рацию для увеличения дальности связи (за что тут же получил удар дубинкой от помощника Гросса, но и скрытое уважение). Егор увидел в нём ценный актив. Он стал делиться с Лёхой своей логикой тактического планирования, а тот – своими навыками «оживления» железа.

Мира (сокращение от Мирослава): Хирург с оккупированной колонии, которая подписала контракт, чтобы спасти свою больницу от закрытия. Сухая, резкая, невероятно компетентная женщина лет сорока. На первом же медпрактикуме она без колебаний правильно наложила жгут на учебном манекене, когда все растерялись. Егор сразу отметил её как стратегически важного союзника. Они почти не говорили о личном, но обменивались понимающими взглядами, когда инструктор нес очередную чушь о «самопомощи».

Финн: Загадочный тип, называющий себя «культурологом». Уверял, что попал сюда в погоне за мифами о «Тихонях». Знает кучу легенд, говорит нараспев. Многие считают его странным и ненадёжным. Но Егор заметил, что Финн – единственный, кто не морщился при демонстрации аборигенных артефактов, а изучал их с жадным интересом. Он мог быть либо сумасшедшим, либо обладателем уникальных знаний. Егор решил держать его в поле зрения.

Однажды вечером, во время «личного времени» (фактически – часа заточения в казарме), Егор не выдержал. Он тихо, на обрывке упаковки от пайка, начал рисовать схему – оптимизацию маршрута патруля для сбора «чешуи» на основе данных о движении хищников, которые им скупо выдали.

Леха, увидев это, присвистнул. «Ты что, совсем? Этим пользоваться нельзя, у них свои карты».

«Именно поэтому, – так же тихо ответил Егор. – Мы сможем».

К ним незаметно присоединилась Мира, изучавшая инструкцию по полевым антидотам. «Если вы планируете меньше умирать, мне это интересно».

Финн, лежа на верхней наре, не открывая глаз, пробормотал: «В Лесу есть старые тропы. Не на картах Картеля. Те, что пахнут мхом и страхом. Они безопаснее».

Так родилось негласное ядро – группа, объединённая не дружбой, а прагматичным стремлением повысить свои шансы. Они тайно обменивались наблюдениями, расшифровывали двусмысленные указания инструкторов, делились скудными личными ресурсами (у Миры были спрятаны настоящие антибиотики, у Лехи – паяльник). Егор стал неформальным стратегом этой маленькой ячейки.

Но академия – это микрокосм лагеря. Здесь уже есть своя иерархия и свои хищники.

«Старики»-инструкторы: Помощники Гросса, отбывшие по несколько контрактов. Они видят в «Зелёных» либо будущих рабов, либо угрозу. Один из них, Борщ (огромный детина с татуировкой «рождён в шахте»), заметил смыслённость Егора и его группы. Он не тронул их, но его взгляд говорил: «Я Вас заметил. Полезете вверх – всех сожру».

Конкурирующие группы: Среди рекрутов были и те, кто выбрал путь подхалимажа и силы. Главарь одной такой, «Молот» (бывший охранник с выколотой звездой на плече), уже пытался «собирать дань» пайками. Его группа смотрела на ядро Егора как на выскочек-интеллектуалов, которых нужно будет поставить на место в Лесу.

Администрация: За всем наблюдает Смотритель Академии, мисс Келлер – холодная, педантичная женщина в идеально чистом комбинезоне. Она периодически устраивала «индивидуальные беседы», задавая странные вопросы о снах, страхах, реакциях на шум Леса. Егор, чувствуя ловушку, отвечал сухо и технично. Но он видел, как после одной такой беседы исчез нервный парень, который всё время жаловался на голоса в голове. Они выискивали «Пробуждённых» еще на этапе обучения.

В последний день, перед церемонией «посвящения» (формальной присяге Картелю), Гросс построил их.

«Запомните, – сказал он без эмоций. – Всё, чему вас учили, – чтобы вы добывали кристаллы, а не вопросы. Ваша ценность – в добыче. Ваша жизнь – это цифра в отчёте. Вы – винтики. Сломается один – на его место поставят другой. Дисциплина и выполнение квоты – это всё, что у вас есть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.